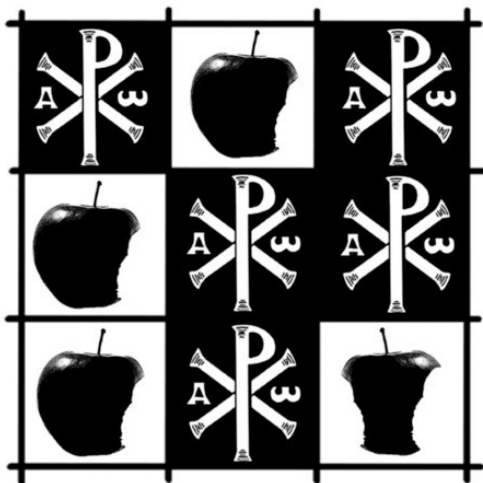

ИВАН ПЛАХОВ

Двойное проникновение (double penetration)

ИЛИ ЗАПИСКИ ЮНОГО НЕГОДЯ

Иван Степанович Плахов

Двойное проникновение (double penetration). или Записки юного негодяя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22144381

ISBN 9785448349287

Аннотация

История превращения человека в Бога с одновременным разоблачением бессмысленности данного процесса, демонстрирующая монструозность любой попытки преодолеть свою природу. Одновременно рассматриваются различные аспекты существования миров разных возможностей: миры без любви и без свободы, миры боли и миры чувственных удовольствий, миры абсолютной свободы от всего, миры богов и черт знает чего, — и в каждом из них главное — это оставаться тем, кто ты есть, не изменять самому себе.

Содержание

– 1-	6
Трип №1	20
– 2-	25
Трип №2	28
– 3-	37
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Двойное проникновение (double penetration) или Записки юного негодяя Иван Плахов

Героям-первопроходцам посвящается

Опасаясь людей, но уже не страшись Бога...

Н. М. Карамзин

© Иван Плахов, 2016

ISBN 978-5-4483-4928-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Двойное проникновение (англ. *double penetration*) – дифаллусизм, разновидность секса втроем, на сленге поза получила название «сэндвич»; жанр половых извращений; характерное киноклише в порно, без которого не обходится ни один фильм категории XXX; изобретенный в порноиндустрии восьмидесятых символ сексуальной раскрепощенности; квинтэссенция любого порноискусства; порноклише; устойчивый мем на основе порноклише; порномем; техника взлома любой защиты с помощью троянского коня (вам дают возможность в кого-либо проникнуть, чтобы одновременно

проникнуть в вас).

Порнография (порно) условно относится к суррогатному виду искусства, его функции: суггестивная (внушающая), компенсаторная (замена жизни и утешение); что-то непростойное, демонстративно вызывающее.

Мем (англ. *memе*) – единица культурной информации, способная размножаться, осознанно или неосознанно передающаяся от человека к человеку.

Порномем – единица табуированной культурной традицией сексуальной фантазии, способная видоизменять нравственные приоритеты личности; единица соблазна.

Рождением я во всем обязан отцу, который спланировал мое появление с завидной точностью. Матери я никогда не знал: меня выносила и родила за деньги украинская проститутка. Мой благословенный родитель никогда не называл ни имени, ни фамилии моей суррогатной мадонны, не упоминал, откуда она родом. Почему он это сделал, мне стало ясно лишь после его смерти, когда я разбирал оставшиеся бумаги: отец не верил в Бога и не хотел полагаться на слепой случай, поэтому все в жизни заранее планировал. Он был хорошим математиком, умел предсказывать будущее. Я в этом убедился, читая его прогнозы, которые обнаружил в архиве. Во всяком случае, отец предсказал с точностью до полугода распад СССР и сумел к нему подготовиться.

Мне было десять лет, когда страна, в которой я родился, перестала существовать, но это меня тогда мало волновало: я больше переживал за то, что мои одноклассники слушали «Яблоки на снегу» вместо Фредди Меркьюри и Kiss, захлеб читал Булгакова и грезил о своей Маргарите, получая тройки по литературе и русскому языку. Мы жили с отцом вдвоем в трехкомнатной кооперативной квартире недалеко от метро «Профсоюзная», куда переехали незадолго до рокового деяния второго года: квартиру эту он купил у еврейской семьи, выезжавшей на ПМЖ, за тридцать тысяч рублей. Сто-

ит вспомнить, что тогда один доллар США стоил шестьдесят три копейки по официальному курсу и три рубля с рук. Для меня это было детством, а для всех остальных – временем перемен.

Я плохо понимал, что происходило вокруг, но уже чувствовал на собственной шкуре, насколько резче стали отношения людей между собой: мы так часто дрались после школы с гопниками, что трудно вспомнить дни, когда этого не происходило. В магазинах царила унылая пустота, и озлобленность народонаселения в многочисленных очередях за алкоголем часто заканчивалась потасовками. Когда агония коммунистического режима сменилась новогодним фарсом передачи власти от первого и последнего президента СССР новоявленному президенту России, отец грязно выругался и под бой кремлевских курантов впервые налил мне шампанского, заставив выпить за нас двоих в этом мире бушующем:

– Помни, сынок, в этой стране никому нельзя доверять, никому и ничему: особенно тому, что тебе говорят из зомбо-ящика люди, которые еще вчера боролись за победу во всем мире, а теперь записались в лагерь диссидентов и демократов. Они похоронили социализм, они же похоронят и капитализм. Как – еще не знаю, но они это сделают. Рассчитывай только на себя и свою интуицию.

Наверняка тогда то же самое говорили детям многие отцы, но я его словам не придал никакого значения, так как всей

душою жаждал перемен и искренне им радовался.

Следующие шесть лет обучения в школе не сильно укрепили мой патриотизм. Учителя толком не знали, что нам преподавать: программы менялись каждый учебный год, об ужасах диктатуры пролетариата не писал разве что ленивый, а Ленин на уроках истории стал фигурой нарицательной. Так что к выпускному вечеру девяносто восьмого года я уже был законченным циником, но еще пока девственником, хотя уже и открыл для себя онанизм и петтинг.

Отцом я слегка тяготился, считая его недостаточно успешным для такого классного парня, как я. Он продолжал работать в малоизвестном НИИ, регулярно ходил на службу и даже пытался закончить докторскую диссертацию, но вовремя бросил, поняв всю бессцельность этого мероприятия, — в отличие от папиков моих друзей, сплошь коммерческих директоров собственных фирмочек-однодневок, продававших все, что только можно достать.

У этих ребят водились деньги, что давало им немалое преимущество в глазах школьных барышень, которых все тогда звали чиксами и биксами. На выпускном, когда мы наконец-то получили аттестаты зрелости и выслушали напутствия учителей, моя персона не пользовалась со стороны одноклассниц — теперь уже бывших — повышенным вниманием, все они под вездесущие «Как упоительны в России вечера» роились вокруг мажоров и богатеньких буратино. Это меня не сильно огорчило, так как отец через неделю сделал

мне поистине царский подарок: отвел к знакомой проститутке, сорокалетней женщине, искушенной во всех аспектах греха, которая помогла мне узнать, что же это такое – любовь земная.

«Тополиный пух – жара, июль...» – гремело у меня в ушах, когда я впервые в жизни оседлал качели любви и вознесся на них на вершину блаженства. За деньги, а не по любви и глупости, как мои сверстники. Отец объяснил свой поступок так:

– Пойми, любовь – это мираж, фикция, а любое удовольствие можно купить. Большинство ребят твоего возраста влюбляются черт знает в кого только потому, что не могут реализоваться сексуально. Они навсегда связываются с ничтожествами, которые всего лишь позволили им собой овладеть. А это неправильно: ничто не должно тебе мешать в раскрытии потенциала. Плоть отныне да не будет препятствием твоему разуму. Запомни – нет любви, во всем есть только расчет.

Отец настоял, чтобы я поступил в Институт информационных технологий на факультет программирования игр, объяснив, что мир решил вопрос с едой, так что сейчас самой востребованной профессией будет связанная с производством зрелищ: древнеримские принципы управления человеческими массами никогда не потеряют актуальности.

И тут случился дефолт, наступил август девяносто восьмого. Впервые я увидел, что умный человек всегда оказыва-

ется выше обстоятельств и обращает любые перемены себе на пользу: и все это на примере моего отца, которого я явно недооценивал.

«Ветер с моря дул, ветер с моря дул», – несло из всех динамиков, периодически сменяясь сплиновским «Выхода нет» и радостно-разухабистым «Ты кинула» новоявленных белорусских глумцев. А испуганное народонаселение, в очередной раз обманутое своим «Выбирай сердцем», выстраивалось в длинные очереди к пунктам обмена валюты.

Я не очень понимал, что происходило, а для участников тогдашней трагедии это был во многом вопрос выживания: спасти все накопления в условиях тотальной неопределенности, когда правила игры менялись на ходу.

Мой отец все деньги держал в ГКО, и сразу, как только нефть упала, обменял их на валюту, а затем начал скупать «неликвидную недвижимость» – однокомнатные квартиры на первых этажах панельных домов у дальних станций метро – по самым бросовым ценам. Сотни тысяч долларов хватило на двадцать квартир после августа и еще на пять в следующем году. Риэлторы, которые помогали отцу со сделками, считали его сумасшедшим; отец же в ответ на мои опасения только посмеивался и советовал подождать с выводами. Позднее мне наконец-то стал ясен его замысел: он сдал квартиры в аренду проституткам-индивидуалкам, которых выпи-сал из провинции и ближайшего зарубежья. Эта противозаконная, но несомненно выгодная операция через год удвои-

ла отцовские вложения.

Когда я учился на втором курсе, возникли неприятности, связанные с криминалом. Из полного небытия чудом возникли бандиты из дальнего окружения легендарного Сильвестра. Хотели, чтобы отец сдал им бизнес. Его похитили и держали две недели, пробуя сломать. Отца спасло лишь то, что это был уже двухтысячный год, и времена и нравы поменялись: никто не хотел убивать, пассажиры не остались.

В конечном счете отец развел уркаганов на авантюру, от которой они по жадности не смогли отказаться. В подробности меня не посвящали, но, насколько я понял, отец наплел им, что его имущество многократно заложено, а средства вложены в грандиозную сделку. И самой малости ему не хватает, чтобы сорвать умопомрачительный куш. «Романтики с большой дороги» зашли в сделку со своими деньгами, а когда бабки зависли, решили нажать на директора фирмы-посредника, за которой стояли люди в погонах. Неприятности рассосались сами собой: наши неприятели сели, а их имущество отписали сильным мира сего, имен которых никто не спрашивал. После отец скрывался за границей, пока не убедился, что опасность миновала.

Все это время я, предоставленный сам себе и учебе, изучал матанализ и Интернет – порносайты, форумы и онлайн-игры, – вот и вся моя жизнь того времени. Девушек в окружении не наблюдалось, но одна из арендаторш отца оказывала мне телесные услуги.

И все бы ничего, если бы я совершенно случайно не наткнулся в Сети на странный сайт, называвшийся Key. На сайте в квадратном поле случайно появлялись надписи и цифры. Никаких пояснений. Это-то меня и заинтриговало. На форуме и в чатах узнал, что это ребус или шифр, выложенный тайным обществом иллюминатов, в котором они скрыли некую важную информацию. Одни считали, что это цифровой ключ к пониманию мирового тайного заговора; другие говорили – математический код всего мироздания, третьи полагали, будто тот, кто расшифрует ребус, получит доступ к тайнам и планам мирового правительства. Словом, сколько людей, столько и мнений. Я часами просиживал перед монитором, выписывая на бумагу всю эту бессмыслицу, и пытался ее расшифровать: бесполезно. Но внутреннее предвкушение открытия чего-то запретного не давало мне покоя, я даже спать перестал, все время прокручивал в голове цифры и слова из анонимного послания.

Природу этого психоза трудно объяснить: то ли тщеславие, то ли просто страх одиночества и нежелание оказаться один на один с самим собой, но психоз подвигал меня на самые невероятные поступки. Моя задача была сравнима с попыткой восстановить текст «Войны и мира» на основании ста восьмидесяти восьми тысяч восьмидесяти восьми слов, ничего не зная о его содержании, поэтому и средства для решения задачи я искал нетривиальные.

Мне понадобились симуляторы духовной активности, ко-

которые пришлось подбирать индивидуально. На это ушло полгода. В конечном счете я остановил выбор на курительной смеси, которая освобождала разум от иллюзии окружающего мира, чтобы сосредоточиться на мире ментальном. Сразу оговорюсь: я не наркоман со снесенной крышей, я говорю о нетрадиционном способе овладеть информацией. В Бога как такового я не верю, как и мой отец, но, будучи молодым ученым, охотно принимаю любые объяснения нашей реальности. В частности, существование параллельных миров (и возможность их взаимной связи друг с другом) и информационного подбрюшья мира, в котором записаны данные обо всем, что было, есть и будет: некий ментальный – умопостигаемый – план бытия. Древние называли его *anima mundi*, или душой земли, или кармой, а на самом деле это – единая матрица поведения, которая заставляет нас следовать целям творения: разуму, случайно возникшему в смертной оболочке, искать новую форму существования, вечную жизнь и бессмертие. Как я потом узнал на собственном примере, безудержная жажда к совокуплению есть всего лишь механизм страховки от исчезновения живых форм, пригодных для обитания ментальных паразитов, то есть всех форм существования разума на Земле. Ведь разум – это продукт жизнедеятельности второй сигнальной системы человека, возникшей в нас из-за превалирования в жизни языка, речи: он помогает нам общаться и выживать, анализируя и переваривая информацию о мире. Лю-

бой человек начинает полноценно существовать только тогда, когда в него инсталлируют поведенческую матрицу и загрузят необходимый минимум информации: все равно что программы, необходимые для работы компьютера, – в этом смысле человек ничем не отличается от вычислительной машины. А *anima mundi* Земли – это вроде как природный Интернет, из которого обновления или сетевые вирусы автоматически подгружаются в нас, людей; в *anima mundi* Земли собрана вся информация обо всем.

Хантер Томпсон, один чел, сильно продвинутый по части употребления психотропных веществ, абсолютно точно объяснил парадигму человеческого бытия: «Люди – единственные существа на Земле, которые нуждаются в помощи Бога, а ведут себя так, будто Бога нет». Ну что тут скажешь?.. Ни убавить, ни прибавить. Вещество – оно и есть вещество, без него бы не было рок-н-ролла и всех массмедиа конца двадцатого века: это средство помогает нейтрализовать аттрактор, заложенный в нас от природы, и увидеть мир таким, какой он есть на самом деле, – благодаря веществам мы и становимся богами. Вещество и Бог для меня синонимы: это как снисхождение святого Духа, когда открываются все тайны Неба и Земли, – но я использую его только по необходимости, когда нуждаюсь в помощи.

В общем, я упорно изучал загадочные послания из Сети в надежде совершить открытие, которое изменит привычный ход вещей: разные мысли вертелись вокруг простого же-

лания доказать всем, что я самый крутой. Глупо, наверное, но в восемнадцать лет – простительно.

Я и не подозревал, что любое проникновение двояко: я проникаю в тайну, а тайна проникает в меня. Словно *double penetration*, но не в смысле порнографии. Хотя в этом тоже есть немножко правды – миры взаимообщаются, взаимопроникая друг в друга, словно любовники в половом акте, обмениваясь энергиями и получая взаимоудовлетворение: мирам нравится взаимосовокупляться. Все восемь параллельных вселенных только этим и занимаются. Это мне объяснил мой преподаватель философии Николай Абрамович Варрава на примере тантрического секса: оказывается, древние знали о взаимопроникновении и пользовались им. Я был просто очарован Варравой: его манерой говорить, обертонами голоса, ходом мыслей, эрудицией и широтой взглядов на жизнь, – он был настоящий учитель в аристотелевском смысле этого слова: он понимал и объяснял мне, человеку техническому, что помимо опыта существует еще и мудрость, которая зависит от понимания. «Все люди по природе стремятся к знанию». Именно это врожденное влечение к умосозерцанию, а не мое юношеское тщеславие, стало первопричиной, которая заставила меня взяться за расшифровку послания из Интернета.

Именно Варрава рассказал мне сначала о Лавкрафте и его «Некрономиконе», а затем о *deep web*'е, *dark web*'е и совершенно безумной теории одного американского профес-

сора. Теория такая: компьютерная революция – это на самом деле тайная колонизация Земли кремниевой формой жизни, которую мы сами создаем по присланным нам чертежам, размещенным в Интернете. Это как сетевой вирус, вроде электронных помех, которые наши серверы улавливают из космоса. Варрава, поклонник теории заговора, убедительно доказывал, что весь мировой прогресс – это производная от деятельности мирового правительства, созданного в Англии масонами в середине восемнадцатого века. Он показал мне, как можно зайти на уровень В, в так называемый «Перевал», в зону паранормального, сверхъестественного и фольклорного в Интернете. Там, среди пустых страниц, несуществующих IP, Void'ов, страниц и протоколов я наткнулся на генератор случайных чисел, в который загрузил информацию с сайта Key. И – о чудо, получил результат: подробную инструкцию о том, как создать зеркало Лавкрафта – портал с переменной размерностью, через который можно выйти в любую из восьми параллельных вселенных. Сообщалось, что нужно сделать, чтобы портал заработал, и как отыскать эти места: они были раскиданы по всему земному шару, довольно неравномерно, но на территории нашей страны их оказалось ровно десять. По счастливой случайности, одно из зеркал находилось в Подмоскowie, в городе Александре.

Но тут неожиданно вернулся отец, и мне пришлось прервать исследования и сосредоточиться на учебе. Когда я по-

делился с отцом своими открытиями, он их не одобрил, а упоминание о веществах и курительной смеси просто привело его в ярость. Отец отвел меня в один из притонов, самый низкопробный, где обдолбанные ханыги – грязные, худые, с исколотыми венами – варили омерзительную смесь из таблеток и химреактивов, а потом кололись полученным перветином одним шприцем по кругу. Затем мы пришли в инфекционное отделение, где лежали больные гепатитом, в основном наркоманы. Мерзость их телесного запустения отталкивала и ужасала.

– Теперь ты видишь, какую цену платят те, кто решает получить все и сразу. Жизнь требует, чтобы ее смаковали. Твое тело – это источник наслаждения, и необходимо о нем заботиться, поддерживая его в чистоте и порядке. Те, кто решили разменять жизнь на эмоции, ничем не отличаются от самоубийц, которые кончают с жизнью раз и навсегда, только их смерть отложенная, растянутая. Чем острее нож, тем тоньше куски колбасы, которые он нарезает. А чем тоньше нарезана колбаса, тем она вкуснее. Получай от жизни наслаждение помалу. И поклянись мне никогда не употреблять наркотики. Никакие!

Мне пришлось дать отцу клятву и на время бросить свои занятия, полностью сосредоточившись на учебе.

Через три года я получил диплом и устроился в одну из микроскопических фирм-посредниц интернет-гигантов, разрабатывал софт для какой-то новомодной игры, даже

не зная ее названия. Каждая группа решала локальную задачу и результаты пересылала в центр, где их сводили воедино, чтобы избежать воровства. И тут случилось непредвиденное: поздно вечером, когда отец возвращался с работы, его убили. Застрелили прямо во дворе нашего дома, в упор: две пули в сердце и печень, а одна в голову. Милиция даже не пыталась искать киллеров или заказчиков: следователь мне откровенно сказал, что раскрываемость таких дел, если сам киллер не сдастся с повинной, равна нулю, и мне ничего не оставалось делать, как с этим смириться. Да я, в общем-то, и не скорбел особо по поводу своего родителя. И не потому, что был бесчувственным и жестокосердным: просто отец бы не одобрил мой плач и эти поминки по Финнегану.

Лично я считал, что смерть отца – дело рук бандитов, которых он развел на бабки и подставил, но решил не вдаваться в эту тему. За год по-тихому переоформил все имущество на себя, уволился, так как больше не нуждался в работе, трехкомнатную квартиру сдал в долгосрочную аренду, а сам переселился в однушку на другой конец города, подальше от места гибели отца. Был две тысячи третий год, страна находилась на подъеме, рынок аренды рос как на дрожжах – а я процветал и бездействовал. Вот тут-то меня вновь посетила идея возобновить прерванные исследования: отец умер, и я освободился от обещания не употреблять вещества.

Для начала я разыскал, забив координаты в GPS-нави-

гатор, портал в Александрове. Им оказалась заброшенная кирпичная будка без крыши с круглым проломом в одной из стен. Она стояла на пустыре в окружении сараев и гаражей – ничем не примечательное место, от которого никак нельзя ждать чуда. Внутри росли лопухи и одуванчики, точно такие же, как снаружи, стены покрывала растрескавшаяся цементная штукатурка без всяких следов лингвистического творчества местного населения. Покой и запустение: идеальное место для эксперимента. Прежде чем приступить к нему, пришлось вернуться в Москву и снарядить себя для первого путешествия: скачать из Интернета запись песен касаток во время брачных игр и подыскать кое-какую аппаратуру согласно ранее расшифрованной инструкции.

Я вновь отправился в Александров, чтобы открыть портал, второго сентября. Из дома выехал рано, в семь утра, и уже к полудню добрался до города, проехал Кремль, некогда центр опричнины, выбрался на Балакиревскую улицу и припарковался на обочине, недалеко от нужного места. Вместе с аппаратурой, которая уместилась в одной сумке, перебрался в будку; установил динамики с трех сторон и настроил их на нужную частоту; хорошенько курнул, освободив разум от мыслей; уселся в самом центре меж стен и включил песни китов, позволив природе взять свое – самому моему мозгу настроиться на резонанс Шумана и сдвинуть точку сборки мира. Портал открылся, я исчез.

Трип №1

Холодно. Рядом равномерно гудит работающий движжок. Ничего не вижу. Неужели мозг не может реконструировать изображение снаружи, вне тела? Ощупываю себя. Я другой, не совсем человек: длинные мускулистые руки, как у орангутанга, мощное тело, прикрытое броней, наголо бритая голова, на тыльной стороне правой ладони – печать, выпуклая свастика в круге; такая же на лбу, между бровями. На голове по бокам – отростки имплантатов-сенсоров, что-то вроде кошачьих усов.

Часть моей новой личности поглотила меня. Я осознал, кто я и что тут делаю. Я должен уничтожить других, зачистить четвертый кластер. Другие – это порода людей, которые отличаются от Нормы в лучшую сторону, ставят себя выше нее. Часть сенсоров-имплантатов помогает мне ориентироваться в крошечной темноте, а часть – отличать других, я их просто чувствую. Они лучше меня, но тем хуже для них: я охотник. Я служу Норме, а Норма – часть того, что позволяет Рейху быть и оставаться неизменяемым и непобедимым. Норма – это больше чем религия, это образ жизни каждого арийца, любое отступление от нее губительно для всего мира. А мир устроен очень просто. Порядок превыше всего: во главе Рейха Фюрер – олицетворение Нормы; ему служит партия – каждый член отвечает за чи-

стоту внедрения Нормы в жизнь; инструменты партии – армия и наука: армия защищает, а наука доказывает Норму; народ служит Норме верой и правдой, а охотники ищут тех, кто не соответствует Норме. Все просто. Мир без изъяна, как муравейник или улей. Девиз Рейха – равное общество с равными возможностями: все люди одинаковы

Сейчас я на задании – охочусь. И не один; явственно ощущаю рядом других, таких же, как и я, мобилизованных на охоту. Мы в техническом коридоре, проложенном рядом с машинным блоком, по периметру здания, в вечной мерзлоте. Местные используют коридор, чтобы нелегально перемещаться в разные секторы кластера. Все кластеры Рейха устроены одинаково: девять секторов, обнесенных общей стеной; девятый – командно-машинный – всегда в центре; остальные восемь – фабрично-жилые, продовольственные и транспортные – по периметру; их нумерация всегда одинакова, начинается в верхнем левом углу и идет по часовой стрелке. Мы в четвертом. Здесь живут научники.

Уловив движение впереди, даем людям подойти поближе, а затем окружаем их и досматриваем. Старший офицер J1003-Z начинает допрос. Это простые работяги из второго сектора – хотели разжиться выпивкой у контрабандистов из шестого. Они не наша цель, абсолютно заурядные: порочные и дисциплинированные – такие никогда и ничего не подвергнут сомнению. Мы их отпускаем. Мои сенсоры чувствуют их страх: кислый запах пота и учащенный пульс.

Не наша цель. Нормальные люди, как все. Вот мы модифицированные, произведены на биофабрике Геринбурга в рамках программы «Один», модель ZJ-300-SS. Наше призвание – преследовать и убивать голыми руками. У нас даже оружия нет, оно нам не нужно.

Двигаемся к пятому сектору и в одном из боковых ответвлений замечаем свет. Сворачиваем туда. В глубине у костра сидит небольшая группа. Увидев нас, люди разбегаются в разные стороны. Подхожу к костру. В нем горят портреты Фюрера. При виде оскверненного изображения из меня наружу словно рвется волна саморазрушения: может, и не хочу, но это помимо моей воли, – ее нужно срочно канализовать. 3-Z – так мы зовем старшего – приказывает мне преследовать того, кто побегал в туннель А. Через пару секунд я несусь среди труб и кабелей за коротышкой к наружной стене: по ней он собирается уйти наверх, скрыться в верхних оранжереях, где таким, как я, запрещено появляться: это зона ответственности департамента внешней обороны, который следит за непроницаемостью границ кластера. Еще секунда – и я настигну коротышку. Даже издали я чувствую, что он надеется спастись и отличается от остальных, трусливых и послушных, он лучше их, он даже пахнет иначе – свежим хлебом – может, потому, что пекарь.

Прямо перед моим носом беглец неожиданно ныряет в боковую дверь и захлопывает ее. Но разве это может поме-

шать мне, если на руке печать – ключ ко всем дверям. Удар ладони по металлу – и замок открыт, но дверь не поддается: что-то изнутри ее блокирует, – но у меня достаточно сил, чтобы ее выбить. За дверью уже никого, но запах-то остался: я не ем хлеба, но букет мне так нравится. Честное слово, я начал понимать, как благодаря ароматам богат мир собаки. Мир, в котором нет секретов. Это как мир слепых, где только звуки и поверхности, но он мне тоже доступен – благодаря имплантатам.

Извилистая кишка коридора приводит прямо в китовое чрево машинного зала, посреди которого возвышается чудовищный кокон реактора, оплетенный трубами и разноцветными проводами. Все вокруг двигается и грохочет, из труб вырываются струи горячего пара, влажно, как в бане. Запах беглеца уже неразличим, но я его вижу: он впереди меня, бежит по второму уровню к резервуарам, где держат тяжелую воду. Через них он пытается выскользнуть в свой сектор, словно это ему поможет.

С ловкостью обезьяны я карабкаюсь наверх по проводам и наконец-то ловлю другого, с силой прижимаю к перилам ограды. А он мне с какой-то похабной смелостью: «Я хочу тебе сказать только одно слово – Любовь. Вот ты, охотник, думаешь, Норме служишь? Нет. Нет. Мы оба с тобой – жертвы Нормы. Хочешь убить меня – за что, за Любовь? За Слово? За то, что я хочу любить и быть любимым». А я даже не знаю, что ответить: убивать за слово и прав-

да глупо, – но мне обидно, что он не боится – ни моей силы, ни статуса. Спрашиваю: «Какой твой номер?» – а он продолжает скороговоркой: «Вначале было Слово от Бога, а не Фюрера, и слово это – Любовь. Все через Любовь, и без нее нет никакой жизни. Возлюби меня, и я тебя тоже люблю...»

Заткнул ему рот. И слова такие убедительные, что мне себя жалко становится, на глаза слезы наворачиваются. И уже думаю его отпустить, как чувствую удавку на шее, кто-то меня наверх выдергивает, словно рыбу из воды.

Последнее, что вижу, – двух беглых уголовников в арестантских робах, которые меня заарканили с верхних мостков: пока громила с лицом Аполлона держит меня на весу, коротышка с кровожадным оскалом гиены отрезает мою правую руку с печатью лазерным ножом. Вережку отпускают, и я лечу вниз – с петлей на шее и без руки. Боль и тьма. И последняя яркая вспышка сознания в крошечном мраке – «Убиенный за Слово Божие», а я-то в него не верующий... после чего – лишь пустота.

Когда я очнулся, звезды мерцали на ночном небе и где-то в отдалении выла собака. От холода все тело затекло. Подробности, случившиеся в параллельной вселенной, были так яркие, что я не мог их забыть. Теперь я ясно понял, как технически происходит посещение параллельного мира: мой ментальный паразит на время становится частью другого сознания, все воспринимая будто наяву. Единственное, что меня тревожило: почему тот, в кого я переселился, умер? Есть ли связь между его смертью и моей жизнью? Вот это вопрос. Чертовски страшно.

Испуг был так силен, что я даже не помнил, как добрался до дома и оказался в постели. Проснувшись, обнаружил, что с начала трипа прошло три дня, а телефон показывал дату гибели отца – пятое сентября. Я не люблю совпадений, по теории заговора все совпадения не случайны: отца убили уголовники, и они же убили моего аватара, причем ровно год спустя. Я решил перестраховаться. Купил годовую шенгенскую визу и выехал в Европу: сначала в Берлин, затем в Мюнхен, через два месяца перебрался в Вену, по пути осматривая мемориальные места жизнедеятельности фюрера; посетил город Линц, постоял на горе, где на него снизошел германский гений, а затем выехал в Италию. И все это время записывал, записывал, записывал: хотел освободиться от вос-

поминаний о мире номер один.

Уже в Риме, в уцелевшей столице античной цивилизации, где, по общему мнению, гнездится заговор иллюминатов, во мне вновь проснулся зуд к исследованию параллельной вселенной. Тем более что по карте, которую я прихватил с собой в путешествие, именно здесь располагался один из пяти порталов Западной Европы. Да и о бандитах можно было на время забыть, хотя это наследие отца невольно внушало беспокойство.

Я разыскал портал в окрестностях Рима. Среди зеленых оград из плюща и дикого винограда загородных домов затерялась неприглядная постройка: аккуратный куб, оштукатуренный и окрашенный охрой изнутри и снаружи, с идеально круглым входом, обрамленным волютами, и без крыши. Земля внутри – словно выжженная, покрытая слоем пепла и углей. И все та же тишина вокруг и ни единой живой твари поблизости: я провел полдня внутри, выжидая, но мимо никто не прошел.

Вполне возможно, что это строение кому-то принадлежало. Если бы меня в нем застукали, то арестовали бы и наказали. Но соблазн перевесил страх, и двадцать четвертого декабря, в канун католического Рождества, я решился. На этот раз я использовал для открытия портала запись голубино-го воркования, слегка изменив частоту колебаний страстных звуков птичьей любви. Как говорится, язык любви есть *lingua franca*: открывает любые двери.

Ярко светило солнце, в воздухе неуловимо чувствовалась близость моря, зеленели пинии – и с трудом верилось, что дома зима. Я вдохнул сладко-терпкий дым соблазна познания и провалился в небытие: реальность распалась, приоткрыв лик бездны.

Трип №2

Сладковатый дымок сигареты приятно щекочет нос. Я сижу в купе поезда, несущегося по крыше Мира: города-дома, который опоясывает Землю по экватору и вмещает в себя все население планеты. Воля великого Дуче породила это циклопическое сооружение. Слева и справа от дома тянутся, радуя глаз, ухоженные поля сельхозугодий.

Напротив меня мой начальник Р-7—1000—6 (я зову его «шестой»), а я Р-7—6000—1 (он зовет меня «единица»). У нас нет имен, вместо них номера, первая буква название фаланстера, откуда мы родом, наш называется «Puzzolente», вторая цифра – номер фаланги. С помощью номеров нас легко идентифицировать. Каждый из нас – часть организма социума, единой системы, существующей для общих целей: одни (это мы) вырабатывают счастье для человечества, другие занимаются сельским хозяйством, третьи служат инженерами. Каждый отвечает за свою задачу.

В купе еще двое, Р-7—6000—9, мой ровесник, и Р-7—5000—3, старше нас на год. Все дурачатся, предвкушая участие в работе. Мы с девятым едем на нее впервые. У шестого на лбу по последней моде половой имплантат – символ его абсолютного превосходства над нами. Многие взрослые пересаживают себе дополнительные половые органы – кому-то достаточно одного, а другим и десяти мало, – жела-

ют подчеркнуть мужественность, а заодно получать еще больше удовольствия на коитусосимулякре. Шестой говорит, что после половой гимнастики голова у него буквально взрывается, вместо нее образуется блаженнейшая пустота, а вместо мыслей – приятный зуд. Со временем, когда разрешат, тоже заведу себе имплантат. Шестой для меня почти что Бог, он этим занимается уже пять лет, я им восхищаюсь.

Мы едем на восток: разведка донесла, что там замечены женицины. Сейчас для размножения они не нужны. Когда-то, до Дуче, люди искали счастье в одиночку, плодились с помощью женицин, жили по всей планете и страдали от собственного несовершенства. Лучшие умы бились над проблемой идеального мироустройства, предлагали отменить собственность и ввести полное равенство, но ни один не знал, как поступать с женицинами: максимум, насколько хватало фантазии, – их обобществить: без женицин не умели обходиться, из-за них все время возникали конфликты, велись войны. За красивейших и соблазнительнейших мужичины были готовы продавать и убивать себе подобных.

Гений Дуче освободил нас от полового рабства, провел самую решительную революцию в истории человечества и отменил равенство полов. С помощью генной инженерии мужичины научились размножаться без помощи женицин: на фабриках-инкубаторах наладили производство донорских яйцеклеток, которые безличностно оплодотворя-

ются спермой. Каждый из нас сдает ее раз в неделю через контакт с коитусосимулятром с индивидуальной матрицей сублимации оргазмонасыщения. Половая гимнастика – так мы называем этот процесс, он заменил утративший всякий смысл половой акт. Мы больше не знаем такого понятия, как любовь. Коитусосимулякр поглощает сперму, она отправляется на фабрику-инкубатор, где используется по прямому назначению. Так родился я, так родился шестой, девятый и третий: так родились мы все. Наш отец – Государство, наша цель – всеобщее Счастье. А для этого нам нужны женищины: не правда ли, звучит парадоксально.

Через восемь часов пути поезд наконец останавливается в фаланстере «Devozione», в горах: здесь разводят овец и делают замечательный сыр, нам его дают по пятницам. Шестой впереди, показывает дорогу: он уже успел объехать весь Мир, и не один раз. Мы смеемся над глупыми овцами, которые перебегают нам дорогу. Оборудование, которое несем мы с девятым, довольно громоздкое, но шестой заверяет, что нам бегать не понадобится. Снова смеемся.

Наконец находим подходящее место: достаточно просторно и гулко, чтобы эхо разносило и усиливало звук; здесь, в горах, таких мест много. Устанавливаем и собираем пыточные кубы. Теперь нужно поймать как можно больше женищин. Через тепловой сканер засекаем стаю из двух десятков, начинаем охоту. У нас приподнятое настроение, шестой шутит, остальные хохочут: нам радостно и тре-

возможно, все-таки мы с третьим по-настоящему охотимся в первый раз.

Женщины ютятся в руинах доисторического городка в ложбине неподалеку. Берем электрошокеры и, ведомые шестым, подкрадываемся к ним как можно ближе, соблюдая тишину. Во главе стаи три старухи, ходячие мертвецы. По словам шестого, им всем далеко за пятьдесят. Старухи охраняют играющих детей – пять странных длинноволосых существ. Чуть дальше остальные члены стаи собрались вокруг двух половозрелых, кормящих младенцев грудью. Через бинокль внимательно разглядываю кожаные мешки с сосками, к которым присосались их малютки. Шестой объясняет, что эти женщины так кормят своих детей. Все они с трудом передвигаются в обуви на очень высоких каблуках, одеты в обтягивающий латекс, отчего хорошо видно, насколько они нелепо сложены: широкие бедра, большие ягодицы, тяжелые мешки груди спереди. Шестой объясняет: как только женщина становится половозрелой и у нее отрасли задница и грудь, ей вручают туфли на высоких каблуках и латексный костюм, она носит их до старости, пока не превратится в старуху. Те из-за немоции ходят босиком, на изуродованных ношением каблуков ногах, в просторном тряпье, чтобы скрыть ужасные изменения, которые превращают женщин в старух.

Подбираемся поближе и нападаем. Стая бежит врассыпную, но каблуки им мешают. Матерей не трогаем: они нам

не нужны; догоняем половозрелых, которые нелепо ковыляют, словно утки, обездвиживаем их электрошокерами. Громкий визг и слезы. Смеемся. Шестой показывает, как их связывать. Как ни странно, у меня хорошо получается. От женщин мерзко пахнет. С непривычки меня тошнит. Шестой дает мне и девятому отхлебнуть немного граппы, чтобы мы не расклеились. Третий все время жует мятную жвачку с эффектом анестезии обоняния.

«Берем только лучших», – снисходительно бросает нам шестой и указывает на самых попастых и сисястых, самых чудовищных и некрасивых: безусловно, это мое личное мнение, я ничего не понимаю в женщинах, поэтому не возражаю. Не без труда перетаскиваем их в пыточную, возвращаем в сознание. Интересно разглядывать лица, искаженные ужасом, большие глаза навывкате, в слезах, растрепанные волосы.

Женщины что-то горячо кричат: их дыхание буквально опалает мне обоняние, но я совершенно не понимаю их архаического наречия. Когда-то давно и мы говорили на этом языке, но теперь он забыт: Дуче во время революции помещал значения слов, одно и то же слово в их и в нашем языке означает совершенно разное.

Для начала шестой приказывает раздеть женщин, выдает нам ножи срезать латекс. У всех половозрелых под одеждой безволосые, с плохо развитой мускулатурой тела, неприятно упруго-мягкие на ощупь, словно резиновые.

Вблизи они еще уродливей. Грудь, словно дыня, с огромными ореолами сосков, тяжело свисают, между ног ничего нет, кроме кожаных складок вокруг щели, покрытых у каждой своего цвета шерстью. Девятый говорит: щель им нужна, чтобы мочиться и получать удовольствие; если в нее что-нибудь засовывать, то для женщин это то же, что для нас половая гимнастика на коитусосимулякре.

Он фиксирует первую, заводя ей ноги за голову и связывая руки за спиной. Получается огромная бледно-розовая кровать, которая шевелит нелепыми туфлями с длинными шипами каблучков и испуганно вертит головой. Я старательно фиксирую другую; она пытается сопротивляться – бью ее по лицу и в солнечное сплетение, давая понять, что сопротивление бесполезно. Странно, что при всей нелепости телесной конституции они просто нечеловечески гибкие. Видно, во всем виноваты слабые мышцы.

Через полчаса все зафиксированы; перед нами вывернутые наизнанку тела существ, с которыми у нас явно нет ничего общего. Даже непонятно, как мы могли в них когда-то нуждаться. Шестой отпускает шуточку по поводу щелей, предлагает нам с девятым засунуть туда руки; мы с возмущением отказываемся, подвешиваем первых двух в кубы и начинаем истязать. Шестой руководит девятым, я помогаю третьему.

Мы перевязываем шнурами грудь и ягодицы, пока те не становятся фиолетовыми, сунем каждой в рот особой

формы кляп, через который периодически вливаем граппу, а в остальные отверстия на теле вставляем спецприспособления, вибрирующие, пока женщины не теряют сознание. После этого загружаем в кубы свежий материал и начинаем все сначала. Фиксированных, которые ждут своей очереди, мы с девятым время от времени хлещем плетками, чтобы они дополняли страдания тех, кто сейчас в пыточных кубках. Ужас и крики боли истязаемых впечатляют. Так мы добываем счастье для жителей Мира, а значит, и для себя тоже.

Объяснение очень простое: в Море существует равновесие, позитивной и негативной энергии поровну. Если где-то что-то убудет, то где-то что-то прибудет. Для счастья одного нужны страдания другого. Это и есть философия великой гендерной революции, навсегда отменившей равенство полов. Великого счастья не бывает без жестокого страдания. Для этого нам и нужны женщины – генераторы счастья для мужчин.

В доме, который построил Дуче, нет места смерти и несчастью. После пятидесяти мы через последний контакт с коитусосимулякром в состоянии высшего экстаза перерабатываемся в консервы (тело прокручивают в фарш и отправляют на продуктовую фабрику), физически сливаемся с народом, становясь для него едой.

Мы уже два часа вырабатываем счастье, и все мое нутро переполняет несказанная радость, с которой не может

сравниться даже коитусосимулякр. То, чем мы занимаемся, придает осмысленность моему бытию.

Шестой велит проверить, как там оставшиеся члены стаи в городке. Я возвращаюсь и замечаю, что дети и жёщины с младенцами исчезли: у руин сидят лишь три старухи, словно три огромных сизых голубя, втянув головы в плечи, и чего-то ждут. Мое любопытство пересиливает осторожность, и я подхожу к ним вплотную: я еще ни разу в жизни не видел старость. Она ужасна – еще омерзительней, чем женская внешность. Если такие изменения происходят с любим, кто старится, – то хвала Дуче, что он нас от этого избавил: лучше быть съеденным в расцвете сил, чем страдать и заживо разлагаться.

И тут из-под лохмотьев ближайшей старухи выскакивает ловкий ребенок и набрасывает на меня сеть-парализатор. Появляются две половозрелые особи, забракованные шестым (у них были младенцы), старухи и девочки, еще не успевшие стать жёщинами. Они затаскивают меня через пролом в полу руин в сводчатое смрадное подземелье, где подвешивают в точно таком же пыточном кубе. Раздевают меня догола, перетягивают половой орган так, что он набухает, как в коитусосимулякре. Голые жёщины начинают проделывать со мной то же самое, что делал я с половозрелыми, повторяя: «Ты узнаешь, что значит настоящая любовь», но я их совершенно не понимаю: почему я должен забыть, что такое экспериментальная кулинария?

При чем здесь кулинария? Все женицины по очереди соединяются со мной, продолжая меня истязать: дикая смесь боли и удовольствия. Когда же я слышу где-то сверху голоса ребят, готовых меня освободить, женицины выливают на пол ведро какой-то вонючей дряни и поджигают ее.

Нет сил кричать, во рту кляп. Старухи, девочки, женицины – все чертово отродье бесследно исчезает во мраке подземелья, бросая меня поджариваться в пыточном кубе. Теперь-то я, кажется, понимаю, что они имели в виду под словом «кулинария». Или же любовь – это что-то другое? Жертва?

Когда я пришел в себя, то обнаружил, что лежу на земле лицом вниз, прижавшись лбом к слегка еще теплему пеплу. Приподняв голову, попытался оглянуться, но не смог: шея затекла и совершенно не двигалась. Слегка подташнивало, особенно когда мысль случайно задевала рецепторы памяти, которые кровоточили свежими воспоминаниями из параллельного мира. Заря уже тронула кромку горизонта, а утренняя звезда ярко сияла в темном небе, напоминая об истории с волхвами, которые на свою беду встретились с окаянным царем Иродом. Звезда лукаво подмигивала мне, словно напоминая, что в моих руках – в отличие от рук наивных халдеев – не золото, мирра и ладан, а только ключ к тайным дверям в соседние измерения. Им я пользовался без спроса, залезая в чужие сознания, как к себе в карман, в надежде найти «то, не знаю что» и кардинально изменить жизнь.

Весь путь до отеля меня преследовало ощущение, что за мной кто-то наблюдает. Ни сон, ни переезд вначале в Равенну, а затем в Римини ничего не изменили. Нахлынувшая паранойя не позволяла мне расслабиться, лишила сна, к тому же я мучился ночными поллюциями.

В конечном счете голос плоти заставил меня вернуться на родину, к мокрому снегу и невероятной грязи: под действием лужковских химреактивов снег плавился в ядовитую

жижу, которая заливала дороги и разъедала обувь. Отсутствие солнца после Италии угнетало, как и обилие русского языка вокруг.

В канун старого Нового года я решил организовать приватный праздник: договорился с проституткой Анжелой родом из Харькова, что она проведет со мной ночь за восемь тысяч рублей, и отправился к ней на квартиру, не обременяя себя приготовлениями. Исключением стала лишь бутылка шампанского и коробка конфет, купленные по дороге как проявление излишней сентиментальности. Жесткий секс в канун Нового года хорошо встряхнул психику, заставил вернуться на землю и трезво взглянуть на окружающие вещи.

Дальнейший вязкий разговор с Анжелой, перемежаемый вялыми половыми актами, мало походил на разговор двух родственных душ: она многословно-монотонно уговаривала меня снизить ей арендную плату и рассуждала о женском счастье – причем оно измерялось квадратными метрами. Ее счастье легко счислимо: собственная однушка в хрущевке, двадцать семь квадратов – просто счастье; двухкомнатная квартира в любом районе – невообразимое счастье; трехкомнатная квартира на Ленинском проспекте – предел счастья. Можно выписать к себе маму с сыном Аленом – она назвала его в честь Алена Делона – и зажить, как человек: завести богатого любовника и торговать телом не ежедневно, а только иногда, когда подвернется удобный случай, как, на-

пример, я. Мне хватило пары часов, чтобы ясно осознать: дальнейшие разговоры по душам с Анжелой равнозначны попыткам добиться искренности от неодушевленного предмета. Она и была предметом, который я пользовал для получения плотского удовольствия: формально – живой человек, но для меня – бесхитростная говорящая секс-игрушка, умеющая только подмахивать и сосать. В конечном счете мне стало так грустно, что я расплакался, а затем уснул прямо на груди у Анжелы, а она гладила меня по голове и пела украинскую колыбельную. Лишь позже я осознал, что мы не могли найти общего языка, ведь она старше меня почти вдвое и, наверно, испытывала ко мне скорее материнские, нежели иные чувства. Вполне возможно, подумал я тогда, что и ридна моя ничем не отличается от нее; она такая же, как и Анжела, – доставшее отца тупое злобучее существо.

Наутро я вернулся домой и заперся там на целый месяц. Я выдавливал из себя поистине ужасные воспоминания о последнем посещении параллельной реальности. Единственное, что я себе позволял, – смотреть по Интернету новости и посещать форумы секс-извращенцев, пытаюсь понять, зачем люди практикуют БДСМ. Если честно, ничего не понял, даже в свете опыта мира номер два: там хотя бы получали удовольствие, но здесь-то что двигает людьми? И все время боялся, словно ждал, что со мной произойдет то же самое, что и с моими двойниками. Даже сейчас, выводя эти слова, я чувствую себя неловко, словно выбалтываю тайну.

А знаете почему? *Ничего просто так не случается*. Я написал эту фразу и даже обвел ее в рамку: если мне на почту стали приходить загадочные письма – значит, мое дело было швах. Кто-то затеял со мной игру, правила которой я не знал.

Через месяц после возвращения домой я обнаружил в почте первое письмо, с заголовком «Тебе»: «Люди заканчивают жизнь самоубийством... знаешь почему?» И фотография распятого голубя, прибитого тремя гвоздями к пятиконечной звезде. Мое возбужденное воображение тут же усмотрело в комбинации цифр три и пять намеки на восемь параллельных миров в гиперкубе. Затем каждый день я начал получать текстовые послания, набранные латиницей, но с учетом кириллической раскладки, так что абракадабра легко расшифровывалась, но не становилась понятней и чем-то неуловимо напоминала переписку Бендера с Корейко. Например: «Миниатюрная женщина, ВНИМАНИЕ!!! С ОЧЕНЬ УЗКОЙ КИСКОЙ!!! Великолепная любовница, все виды интим-отношений, легкое доминирование, игрушки. В квартире есть хороший кондиционер. P. S. Дорогие мужчины, просьба звонить с полудня до девяти вечера». Телефона или адреса не указывалось. Иногда встречались связанные сообщения вроде «Завтра на втором канале в 14.30 будет передано важное сообщение, не пропустите», но ничего подобного не происходило. Я записывал программы и тщательно просматривал их, искал двадцать пятый кадр или второе дно в тексте, но впустую: все было лишено смысла.

Тогда я решил обратиться за помощью к бывшим однокурсникам, заодно восстановить с ними контакты. Каково же было мое удивление и разочарование, когда я обнаружил, что большинство занимались информационными ресурсами спецслужб, куда устроились на работу. Неприятно поража-ло и то, что однокурсники еще и гордились принадлежно-стью к этим учреждениям, нисколько не принимая во вни-мание их ужасную репутацию. Более того, все вдруг переста-ли стыдиться партийного или КГБ-шного прошлого семей, охотно апеллируя к памяти (это называлось заслугами) сво-их кровожадных предков. Я с большим удивлением, напри-мер, узнал, что два завзятых, ангажированных «демократа» с нашего курса теперь работают в государственном агентстве по развитию молодежи над патриотической программой, на-саждающей «истинные ценности», слегка модернизирован-ную уваровскую триаду, только самодержавие теперь зва-лось государственностью, а народность заменили оголтелым шовинизмом с элементами уголовного фольклора. Но услу-ги, как говорится, не пахнут, тем более что сам я чувство-вал полную отчужденность от политической жизни страны, поэтому принялся водить бывших сокурсников по ночным клубам, оплачивая их коктейли, до тех пор пока у одного из них не возникла неловкость передо мной, которой я вос-пользовался, чтобы объяснить свою проблему с загадочными посланиями на почту, благоразумно умолчав об исследова-ниях в глубокой сети и путешествиях в параллельные миры.

На счастье, мой собеседник оказался в теме: он занимался кибершпионажем в соцсетях. Установил мне определитель скрытых IP-адресов и дешифратор сигналов с блокировкой всех известных троянов. Так я и выяснил, что все послания отправлялись с одного и того же скрытого адреса, который, скорее всего, находился в Праге; попытка зайти на него через удаленный доступ у моего приятеля не удалась: не получилось взломать код доступа. Кстати, адрес принадлежал ма-сонской ложе «Роза и крест», относящейся к приорату госпитальеров Мальтийского ордена.

После взгляда на восьмиконечный крест их эмблемы меня вдруг осенило: это же развертка гиперкуба на плоскости, где показаны все восемь параллельных миров в единой связи между собой. Неужели это и есть создатели сайта Кеу, который я расшифровал? Но даже если я его и расшифровал, по сути, я это сделал по их инициативе: они сами открыли общий доступ к сайту, вызвав к нему интерес, – иначе они просто спрятали бы его на темной стороне Сети, чтобы избежать огласки. Очевидно, это неслучайно. Наверное, они за-чем-то играли со мной в кошки-мышки, вместо того чтобы выйти со мной на контакт и прямо заявить, что им нужно, а если же я для них опасен – без излишней огласки ликвидировать меня. Но если это игра, то с какой целью? Единственное, что внушало мне надежду, – меня приняли в игру, а в каком качестве – неважно. Мной пытались манипулировать (или, еще хуже, уже манипулировали) на расстоя-

нии, из-за границы, так как мой мобильный телефон был им неизвестен, иначе они наверняка бы этим воспользовались. Но мобильный молчал. Можно было заняться личной жизнью.

После новогодней ночи я чувствовал неловкость – стыд, что ли – перед Анжелой: я уже не мог с ней встречаться, невольно ассоциируя ее со своей безымянной матерью, поэтому решил завести настоящую девушку, подходящую мне по социальному статусу. Зарегистрировался на сайте знакомств и погрузился в безуспешную переписку с остальными пользователями, в качестве аватарки загрузив фотографию отца. Почему, сложно сказать: наверное, стыдился показать настоящее лицо перед другими: это как публично рассказать обо всех сокровенных желаниях; а может, я просто трусил, – но об этом не пожалел. Под маской жить легче: в случае чего ты меняешь надоевшую или скомпрометировавшую тебя личину и живешь дальше как ни в чем не бывало. Это был мой первый серьезный поступок, сделанный самостоятельно, уже без всякого влияния отца, по зову сердца.

Изучение анкет женской половины сайта обнажило передо мной массу неприглядных сторон кандидаток: фантастическую меркантильность и гипертрофированный эгоцентризм, которые выражались в желании (что это – нарциссизм?) восхищаться собой по любому поводу и требовать денег за право поклоняться себе. В конечном счете я остановил выбор на некой Линде, надменной петербурженке двадцати

пяти лет из семьи преподавателей. Настоящее это имя или нет, до сих пор не знаю. Все, что у нее было, – абсолютно идеальная внешность и амбиции. Если честно, меня подкупил ее откровенный прагматизм: она хотела восемьдесят тысяч в месяц за право считаться любовницей по четко очерченным правилам.

Она занималась со мной любовью, словно оказывала услугу, снисходила до меня, позволяя прикасаться к ее телу с нескрываемым пренебрежением, и первое время это заводило. Я, как сумасшедший, пытался растопить ее ледяное сердце, совершенно забыв заповедь отца, что любое удовольствие можно купить, – не понимая, что, если твоя игрушка не работает, значит, она просто неисправна и от нее надо избавиться. Это как попасться в ловушку собственной жадности: вложил деньги в гиблое дело и продолжаешь платить, боясь признаться себе, что деньги уже потеряны; я не хотел видеть, что дело не во мне, а в ней. Она меня использовала.

Мои отношения с Линдой длились четыре месяца и закончились самым неожиданным образом. Позвонила ее мама и потребовала, чтобы я или женился на дочери, или оставил ее в покое, потому что я ее, видите ли, развращаю; ее семье, понимаете ли, стыдно, что их дочь – моя содержанка. Я отправил маме Линды ссылку на ее сайты – их было два, – где подробно описывались услуги и цены, с едким комментарием, что о нравственности дочери им следовало беспокоиться раньше: невинность можно потерять только один раз.

Линда не пришла за своими деньгами – так оскорбилась! Это меня даже задело за живое: оказывается, у нее есть принципы; оказывается, не она, а я ей должен.

Я пытался еще несколько раз знакомиться по Интернету: назначал встречи, общался, оплачивал ужины, водил в ночные клубы, дарил цветы – и испытывал страшное уныние от того, что видел перед собой. Мне, по сути дела, было с ними *скучно* – не знаю, как им со мной, – а как только я мысленно, но очень отчетливо представлял нашу дальнейшую совместную жизнь, мое желание общаться пропадало. Я трусливо ретировался, не отвечая на звонки и меняя свой аккаунт и ник в чате.

Может быть, виновато стремление найти идеал, отвечающий моим побуждениям, неясным для меня самого, а может, нежелание что-либо действительно менять. Все это были лишь эксперименты по налаживанию коммуникации с настоящим миром, от которого меня довольно долго отгораживала опека отца. Одна дочь порока, имени которой не запомнил, заметила: «Ты словно боишься, что если между нами возникнут отношения, то это наложит на тебя какие-то обязательства. Какой смысл звать меня на встречу, если на самом деле тебе это не нужно?»

Пожалуй, так и есть: я и правда боялся обязательств. Станным образом природа спроектировала людей так, что для удовольствия нам необходимо чем-то жертвовать – а иначе не получается, – но я желал не жертвовать, а на-

слаждаться, не делясь ни с кем. Только брать, ничего не давая взамен. Некоторые могут меня осудить, но этого хотят все. Между прочим, мое первоначальное желание расшифровать сайт Key было продиктовано стремлением открыть тайну всемогущества, оставаясь при этом в тени: превратиться в такого кукловода всего мира, не меньше. Это вполне отвечало размерам моего тщеславия.

Как такой, как я, может оказаться на вершине социальной пирамиды? Правильно: только если я сам ее спроектирую и построю. Но для начала я нуждался хотя бы в ком-то, кто бы в меня поверил и начал мне поклоняться. И я нашел ее, совершенно случайно заметив, что на остановке прямо под окнами моей квартиры сидит и горько плачет какая-то дворняжка. Так папа называл всех девушек без хорошей родословной (он считал главным в женщине породу, благородную кровь).

Ее звали Олькой. Родом из Брянска. В Москву ее вызвал любимый парень, приехавший за хорошей жизнью и большими деньгами. Он нигде не работал, снимал вскладчину с бригадой строителей квартиру и приторговывал Олькой, заставляя ее спать с ними по очереди и работать продавщицей днем на вещевом рынке, отнимал у нее все деньги, взамен обещая жениться. И вот он ее бросил, выгнал на улицу без гроша и без документов, променяв на связь с престарелой москвичкой, хозяйкой скорняжной мастерской, старше его аж на тридцать лет.

Невысокая, некрасивая девушка, с широким рязанским лицом (пороссячи глазки, нос картошкой) и невыразительным ртом. Единственным достоинством была ее молодость и свежесть, которые безраздельно принадлежали мне. Ольга стала моим домашним зверьком, преданным и немногословным. Позволяла делать с ней все что угодно. Любовница и домохозяйка одновременно, благодарная мне за жалость.

Мне нравилось наблюдать за ней. Она вела себя, как настоящее животное: в минуту безделья садилась у окна и лузгала семечки, разглядывая происходящее снаружи с напряженной сосредоточенностью ребенка; выходить на улицу она боялась до такой степени, что пряталась в платяной шкаф и сидела там в темноте, пока я ее не оставлял в покое. Ольга даже стала прятать одежду и разгуливать по квартире голой, только бы не покидать место, которое по моей воле стало ее углом, куда ее загнала судьба. Меня это вполне устраивало: я чувствовал себя римским патрицием, у которого есть личная раба. Абсолютная власть доставляла мне удовольствие. Но не это было главным в моей жизни.

Меня снова потянуло на вылазку в другую реальность. Я не хотел оказаться в мире номер один или номер два, воспользовавшись порталами, где я уже был, – я хотел найти лучший мир, в котором бы я стал точно тем, кем меня создала природа. И меня более не беспокоило то, что на мою почту по-прежнему приходили разные послания, смысла и цели которых я совершенно не понимал: страх прошел, мне

помог преодолеть его Инферно, мастер табличек с проклятиями.

Встретился я с ним случайно: стоя в очереди на кассу в супермаркете, подслушал его телефонный разговор. Инферно заинтриговал меня настолько, что я презрел свои принципы и обратился к нему с предложением на меня поработать. Мастер изготовил восковую табличку с проклятиями моим врагам – и неважно, что я не знал их имен, – и велел расплавить ее в церкви над свечой, зажженной от лампы, перед образом Георгия Победоносца. Даже посоветовал храм, где настоятель за умеренную плату позволяет посетителям сжигать таблички. Заверил меня, что это работает безотказно: у него гарантия от самого владыки ада, а также знание пяти поколений, передаваемое по наследству, в его семье.

Я сжег эту чертову табличку и с удивлением обнаружил, что несанкционированные послания на мою почту совершенно прекратились: пропал даже спам. Эффект налицо. Пришла пора отправляться в Прагу, где я рассчитывал найти ответы на свои вопросы. Я планировал захватить с собой аппаратуру для открытия портала и провести в Праге не более двух недель, а также попытаться вступить в контакт с кем-либо из Мальтийского ордена.

Для начала я озаботился Олькой, которая оставалась в моей квартире одна (по-прежнему боялась выходить наружу), и поручил ее девушке по соседству (нашел ее по Интернету), она обычно ухаживала за домашними питомцами во время

отъезда хозяев. Велел приносить Ольке продукты и присылать мне на почту отчеты раз в два дня. Сама Ольга не умела даже пользоваться скайпом, ее интеллект позволял лишь играть в шарики: видимо, наследственное от испорченных алкоголем генов ее родителей. У нее был разум пятилетней девочки. Когда я овладевал Олькой, мне казалось, что я словно насилую саму невинность, и это возбуждало; ее тело трепетало от страха, точно это было с ней в первый раз, будто она заново рождалась для любви, совершенно забыв прошлое.

Мои приготовления к отъезду произвели на Ольку неизгладимое впечатление: она молча сидела в углу и, словно зачарованная, неотрывно наблюдала, как я укладываю багаж. Перед самым уходом кинулась мне в ноги и долго меня не отпускала, признаваясь мне в любви на доступном для нее языке: целовала руки, тихо скуля, как собака, замочила все рукава сорочки слезами и твердила одно и то же: «Миленький мой, я хорошая, не бросай меня». Чтобы освободиться, мне даже пришлось применить силу и отпихнуть Ольку ногой.

Прилетев в Прагу, я остановился в районе Смихов на левом берегу Влтавы, недалеко от автовокзала, в отеле Arbes. Смихов – относительно новый район, со смешанной разновременной застройкой, примыкающий к Мала Страна: там, как гласил сайт Мальтийского ордена, располагалась их штаб-квартира. В Интернете нашел объявление об экскурсии «Рудольфинская Прага». Тема меня заинтриговала, и я, заплатив сорок евро, записался на нее, получил на почту

подтверждение и инструкции, как завтра в девять утра найти экскурсовода на Вацлавской площади, и отправился в ближайший пивной ресторан напротив отеля знакомиться с особенностями национальной кухни. Удивительно, но половина сотрудников ресторана оказались выходцами с моей родины. Их объединяло желание кардинально поменять жизнь, начав все с начала, потому что дома они были никому не нужны.

Именно это странное чувство собственной никчемности и бессмысленности существования в мире, где все время что-то происходит, но без тебя, напомнило мне, что и моя жизнь проходит, по сути, бесцельно, если не считать тайны, к которой я прикоснулся. Кому я нужен без состояния отца, благодаря которому я могу не беспокоиться о материальной стороне существования? Вот разве что Ольке, еще большему ничтожеству, чем я сам. Но ведь она даже не человек, а так... просто Олька.

На следующее утро я оказался в разношерстной компании интеллигентов, страдающих духовной анорексией и влюбленных в собственные изъяны воспитания (отечественные интеллектуалы воспринимают их как отличительные знаки гениальности). Нас объединяло тщеславное желание подняться выше интересов толпы и прикоснуться к тайнам средневековой Праги, чтобы потом кичиться этим всю оставшуюся жизнь. Экскурсовод Андрей в красном шарфике и с копной есенинских кудрей отлично справился со своей ролью, рассказав, не рассказывая, и показав, не показывая, все те же

самые места в городе, куда водят обычных туристов. Он красноречиво умолчал о том, что живо излагаемые, слегка пикантные истории – не более чем средневековые анекдоты, старательно им собранные и систематизированные по времени и месту, не более.

Я узнал, что Прага, как хлеб кровью, пропитана легендами, предрассудками и волшебством. Меня зацепили слова экскурсовода «как хлеб кровью» – сильно сказано; «хлеб кровью» буквально влип в мой мозг и не давал мне покоя, разбудив воображение. Я довольно живо представил себе, чем могли заниматься здесь масоны со столь решительной поддержкой государства аж со времен разгрома тамплиеров в Европе. Мальтийские рыцари – госпитальеры никогда не прекращали попыток создать гомункулов, или големов. Вполне возможно, что масоны до сих пор пытаются сотворить «улучшенного» человека, чтобы с его помощью установить новый мировой порядок на Земле, ведь не случайно именно Прага считается родиной Голема. А может быть, эта неуклюжая метафора или обмолвка слишком точно отражала мои стремления докопаться до сути мира, до тайны, до второго дна, обнаружить в хлебе его настоящий вкус – вкус крови?

Услужливый Андрей рассказал, как Тадеуш Гайек принимал экзамены у алхимиков-кандидатов, как Эдвард Келли превращал людей в ослов, где на самом деле находилась «шарашка» алхимиков императора Рудольфа. Говорил он также

о поселке мальтийских рыцарей, об ордене чешских мальтийцев, о пражских масонах, показал штаб-квартиру ордена и стену Джона Леннона как символ нонконформизма чехов в период советской оккупации.

На этом месте экскурсия закончилась, а каждый из ее участников – судя по их самодовольно-чванливому виду – утвердился во мнении, что только он один и понял, о чем, собственно, рассказывал все это время расторопный Андрей. Никто даже не догадывался, что я, только я по-настоящему осознал подлинное значение услышанного, а главное – и увидел: теперь можно было начать собственное расследование тайны.

Прежде чем встретиться с масонами, несколько дней я самостоятельно осматривал Градчаны и Мала Страну, Страговский монастырь и Пражский град, обошел весь старый город и еврейское гетто, забрел даже на еврейское кладбище рядом со средневековой синагогой. Ничего любопытного не увидел: во всяком случае, могилы Кафки – единственного, кого я знал из пражских евреев, – там не обнаружил: видимо, плохо искал или же просто не повезло. Зато повезло в моих поисках в Сети, особенно на ее теневой стороне, узнать правду о возникновении масонов. За ними стояли алхимики и маги-чернокнижники, утверждавшие, что происходят аж от египетских жрецов и сохраняют их мудрость неизменной. В Европе масоны появились благодаря арабам, завоевавшим Испанию; вслед за ними из обнищавшей Алек-

сандрии в Кордову переселились евреи-каббалисты и остатки неоплатоников, исповедующих мистерии Гермеса Трисмегиста. После успехов Реконкисты и освобождения Андалузии они переместились в Прагу, где оказались под защитой Габсбургов. В век просвещения переименовались в розенкрейцеров и начали повсеместно открывать масонские ложи, через которые вели проповедь неоязычества. Основал тайное общество лютеранский теолог Иоганн Валентин Андреэ; его организация представляла собой сложную систему во главе с императором и семьюдесятью семью магами, за которыми шли по рангу – майорат из семисот членов, девятьсот высших философов, три тысячи низших философов, тысяча адептов без перспектив на повышение и тысяча учеников-кандидатов. Каждому из вступивших в орден давали «эликсир жизни» в количестве, достаточном на шестьдесят лет жизни. Гитлер был последней значимой креатурой розенкрейцеров, а германский нацизм – не что иное, как неудавшийся эксперимент по превращению тайной власти во власть явную и попытка установить новый мировой порядок, вывести методом селекции и генетических мутаций расу богов, нового человека, свободного от нравственного закона внутри себя, способного «штурмовать небо».

Их повсеместное стремление улучшить природу вещей внушало искреннее уважение. Ведь это – стремление к сверхспособностям, к преодолению изначальной природы, ее законов, к абсолютной, безграничной свободе – идейная

суть всякого прогресса. И мое сокровенное желание. Выходит, я, сам того не зная, уже стал алхимиком, тайным розенкрейцером, которого ждали братья, чтобы наконец-то завершить таинство великого делания. И похабные послания с предложением встретиться с блудницами явно приглашали меня, неразумного, поучаствовать в знаменитой химической свадьбе, совершить акт духовного прелюбодеяния, попытаться превозмочь Бога в акте своего творения, породив нечто более совершенное, чем создания природы.

Теперь мозаика складывалась во вполне ясную картину: мне не угрожали, наоборот, меня приглашали. Но раз опасность миновала, торжество встречи могло и подождать, пока я вернусь из очередного путешествия в параллельный мир.

Я покинул Прагу и отправился в маленький городок Чески-Крумлов на границе с Австрией: именно там, судя по карте, располагался портал. Добрался довольно легко: рядом с отелем я обнаружил автобусную станцию, с которой в Крумлов ежедневно отправлялись рейсовые автобусы. Так что через два часа я уже стоял на холме и созерцал средневековый городок у подножия огромного замка, который некогда принадлежал сначала династии Шварценбергов, а затем Розенбергов.

Картинка перед глазами неуловимо напоминала мне полотно Брейгеля-старшего, словно прошлое жило тут как ни в чем не бывало, игнорируя время, будто века прогресса не изменили до неузнаваемости лицо современной Евро-

пы. Я долго наблюдал за неторопливой жизнью городка, за людьми на его узких улочках, чувствуя себя словно бы Господом Богом, подсматривающим за человеческой жизнью. Отсюда, издалека, все выглядело ненастоящим, игрушечным; с трудом верилось, что эта гармоничная картина – результат случайных наслоений жизнедеятельности многих поколений горожан, а не творение чьей-то единой воли.

Затем я спустился, следуя за туристами, к узкому устью входа, с которого начиналось крумловское средневековье. Мне нужно было попасть на противоположный берег, напротив замка, где располагался пансион «У зеленого гада», где я зарезервировал себе комнату. Городок оказался на удивление маленьким: на градостроительную ось, как на скелет рыбы, нанизана вся планировка улиц, – заблудиться невозможно. Уже через полчаса я стоял около двухэтажного дома с мезонином, у входной двери которого красовалась вывеска с зеленым змеем. На двери висела короткая записка на английском: хозяйку пансиона можно найти по такому-то номеру телефона, что я тут же и сделал.

Мне досталась комната на первом этаже, окна выходили во внутренний двор, который использовался как стоянка для машин временных жильцов: сейчас был не сезон, и двор, заросший газонной травой, очаровательно пустовал. Дом оказался древний, как сама природа: некогда белые оштукатуренные стены пожелтели от времени, на стенах и потолке неуловимо проступали пятна самой причудливой формы.

Ремонт в комнате делали совсем недавно, но дом словно обособился и вел параллельную жизнь, независимо от хозяев, — так бывает со строениями, которые пережили свой век, но почему-то не исчезли. Словно старики, случайно обретшие бессмертие.

Собственно, весь город был такой, он пережил властительных хозяев и теперь существовал самостоятельно, как живой труп. Из него в сорок пятом году в Баварию депортировали всех немцев, подавляющее большинство здешних обитателей: из более чем восьми тысяч жителей только немногим больше тысячи были чехами. Место сосредоточения алхимиков и гибели сына императора Рудольфа, сумасшедшего дона Юлия Цезаря Австрийского, которого держали в круглой башке Крумловского замка, пока не уморили голодом. Он зверски убил свою любовницу, дочь банщика, отрезав ей уши и выколол глаза, и пытался накормить гостей кусочками ее тела. Самое удивительное в этой истории — то, что даже известно, за сколько он купил себе в любовницы дочь банщика Маркету: за двадцать свиней, восемь бочек вина и четыреста марок.

Все это мне рассказал художник Олесь, с которым я случайно познакомился на набережной «На острове», где когда-то стояла мельница, а сейчас располагался выставочный зал с рестораном: днем — довольно людное место. На узком мысу под башней стоял мольберт художника, на котором он демонстрировал свои акварели. Я купил одну за че-

тыреста крон, а в придачу получил историю жизни художника и рассказ о безумном сыне императора. Олесь был родом с Западной Украины, эмигрировал в Чехию в девяносто шестом году; сначала расписывал церкви в глубине Моравии, затем держал картинную галерею, теперь торговал акварелями и подрабатывал гидом. От него же я узнал, что первые хозяева городка Розенберги, по легенде, вели свой род от Орсини из Рима, в крепостном рве замка держали медведей, так как «орсини» по-итальянски значит «медведь». Их герб украшала красная пятиконечная роза, средневековый символ молчания: там, где ее изображали, разрешалось безбоязненно говорить о тайнах, тебя бы никто не выдал. А крест в центре розы явно намекал на то, что это вотчина розенкрейцеров.

Во время прогулок по узким улочкам городка меня вдруг посетила почти безумная идея: мы живем на свалке цивилизаций, от которых остались лишь внешние оболочки предметной среды, как в этом городе, и всего лишь утилизируем доставшиеся нам отходы предков. Потому повсеместно распространена и процветает мусорная идеология, которая буквально насаждается массмедиа, проповедуя одноразовую философию и одноразовое понятие жизни. Ведь идеология постмодернизма учит нас поступать так, как старьевщик на городской свалке: не создавать, а лишь отбирать и коллекционировать уже готовое, играть ранее созданными вещами и понятиями. Но жизнь на свалке не так уж

и безопасна: отходы токсичны, а их разложение инфицирует и отравляет нас, заставляя мутировать самым непредсказуемым образом. Мусорная цивилизация создает мусорных людей.

Неоднозначная мысль неожиданно взбудоражила все мои чувства. Копаться в искрометных экскрементах эскапад собственного мозга – неблагоприятное занятие метафизического эксгибициониста, влюбленного в свой голый интеллект. Не проще ли наслаждаться предоставленной мне жизнью – пить чешское пиво и есть сосиски и свиную рульку?

Но, видимо, такова особенность моего характера: я не мог просто наслаждаться, не пытаясь понять экзистенциальную природу бытия, – русскость это моя, врожденный порок, так себя проявляет. Бродя по городу, я спрашивал себя, куда девается бесчисленное множество его копий, которые с помощью фотоаппаратов и телефонов непрерывно создавали толпы разноплеменных туристов, сколько информационных слепков этого места существует. Но где? В соцсетях, которые, как канализация, собирают копии и хоронят их навечно в глубинах Интернета? В личных архивах на персональных компьютерах или планшетах? И все эти слепки, как луковая шелуха, отлетают в небытие других стран и мест и распадаются в ничто в архивах похитителей впечатлений, вечно жадных до перемен.

На мосту через Влтаву я встретил шарманщика, который почему-то напомнил мне о тщетном рвении масонов из-

менить мир к лучшему: он накручивал ручку потрепанного временем агрегата, извлекая подозрительно бодрую мелодию из безвозвратно ушедшего прошлого, а на верхней крышке шарманки лежала плюшевая обезьянка – как символ давно сдохнувшей чувственности старика. Я подумал, проходя мимо, что он, как и я, пытается заниматься тем, что ему не дозволено природой или судьбой, но с помощью техники легко преодолевает свое неумение играть, да еще и умудряется зарабатывать на этом. Ведь и я проникаю в параллельную реальность не благодаря врожденным способностям, а потому, что взломал код и получил доступ к порталам. Никто в этом городе не поверил бы, что всего лишь в трехстах метрах от моста, где плачет шарманка, есть место размерами три на три метра, откуда можно попасть в мир, не имеющий ничего общего с нашим. И эта тайна принадлежала мне и только мне: о ней наверняка знали и те, кто основал здесь город, но предпочли умолчать, разместив вокруг портала сад при пивоварне, спрятав его подальше от посторонних глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.